

РАВЕНСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ВМЕСТО СЛОВ – ДЕЛО

Материал
подготовила
Александра
Денисова.

В последнее время утвердилось выражение «рынок образовательных услуг». И если в больших городах покупатели оказываются в настоящем гипермаркете, где они вольны выбирать то, что им больше подходит, будь то лицей с математическим уклоном, или классическая гимназия, или языковая школа, то жители провинциальных городов, сел и деревень оказываются перед одним прилавком, на котором представлены далеко не все необходимые товары: в школе может быть не полный преподавательский состав. Как бы новые ФГОСы ни боролись с неравенством образовательных стандартов через введение единой программы для школьников во всей стране, решить проблему нехватки учителей в регионах они никак не могут. Здесь большую роль играет проект «Учитель для России». Мы поговорили о нем с Фёдором Бажановым, который сам начинал как участник, а сейчас продолжает работать в проекте в качестве одного из методистов, помогающих подготовить учителей.

Фёдор Бажанов – выпускник второго набора проекта «Учитель для России» (2016–2018 гг.). В рамках проекта работал учителем истории и обществознания в МОУ СОШ города Ермолино Калужской области. Сейчас продолжает работать в проекте как ментор и методист, разработал курс «Мастерство педагога».

Александра: Давайте начнем непосредственно с вашего участия в проекте. Как вы стали участником программы, откуда вы о ней узнали? Ведь вы являетесь выпускником второго набора. Могу предположить, что о программе на тот момент еще не было так хорошо известно.

Фёдор: Когда я узнал о программе, я был уже практикующим учителем. Я два года был учителем в большой сельской школе в Пермском крае. Когда я узнал о программе, я хотел уходить из профессии, потому что школа оказалась не такой доброжелательной, и я не чувствовал себя нужным, не чувствовал себя частью какого-то сообщества. Там у меня пропала мотивация преподавать. Тогда я наткнулся на программу «Учитель для России». Узнал я о ней через очень компрометирующую статью на «Дожде»¹: они сказали, что молодым учителям в Москве доплачивают 35 тысяч. А у меня на тот момент была зарплата 14. А им просто доплачивают. Вот я и подумал: «Блин, за что же им там доплачивают?». Я перешел по ссылке и понял, что это вообще не про деньги, это абсолютно про другое. А еще понял, что хочу попробовать. Я очень сильно испугался, что не успею подать заявку: у меня было где-то два-три дня, поэтому я не ложился спать, сидел, заполнял. Тогда я даже не подозревал, что в году шесть волн подачи заявок.

А.: Расскажите, пожалуйста, о своем опыте. Вы работали в Калужской области. Почему именно это место?

Ф.: Смотрите, вообще у участников есть несколько стратегий. Кто-то едет с каким-то планом: например, некоторые хотят в центральную Россию поехать; другие хотят поработать в малокомплектных школах; а кто-то живет в Москве или Петербурге, поэтому хочет быть где-то недалеко. Мне было вообще без разницы, я сказал: «Куда хотите, туда меня и отправляйте». Меня спросили: «А какие у вас есть пожелания?». Я ответил: «Единственное пожелание: хочу, чтобы директор хотел партнерских отношений. Чтобы я не просто приходил в школу, вел уроки и уходил, а чтобы у нас была какая-то цель с ним, и мы вместе могли в команде что-то сделать». Единственное место, куда мне предложили ехать — Ермолинская школа. Ну и в целом, я еще хотел, чтобы было место пожестче, чтобы там было поинтереснее. Это я, когда был зеленый, так думал. Как туда приехал, подумал, что достаточно тяжело... да, достаточно тяжело.

А.: А что было самое сложное?

Ф.: Мне кажется, коммуникация со взрослыми — самое сложное. Общаться со взрослыми тяжелее, чем с детьми.

1. Признан в России СМИ-иноагентом

В «Учителе для России» есть миссия — работа в сложном социальном контексте. Вот ты приезжаешь в школу и понимаешь, что сложный социальный контекст — это не про детей, вообще не про детей. Это в большей степени про взрослых, с которыми ты работаешь. Было сложно не потому, что они плохие, или я хороший, или наоборот. Просто мы разные, столкнулись разные культуры. И я раньше думал, что я был из маленького города. Оказалось, что Пермь — это большой город все-таки. И я там [в Ермолино. — прим. редактора] прочувствовал романтику жизни в маленьком городе, в таком локальном сообществе. Просто мы сначала с ними не поняли друг друга, мне кажется. Сложно первым участникам «Учитель для России» заходить в новую школу, потому что им там непонятно — кто приехал, зачем. И нет еще какого-то элемента доверия между сообществом местным и новыми учителями. Нужно время, для того чтобы вы узнали друг друга получше. Я думаю, что со временем мы поняли друг друга и сошлись в том, что все любят работать в школе, все любят детей, просто по-разному. Вот когда я понял это, и они дали право моим взглядам существовать, когда коммуникация вышла приблизительно на этот уровень, тогда стало очень хорошо. Был даже момент, когда я стал себя ощущать как ермолинец, как учитель школы Ермолино, возможно, больше, чем «учитель для России». Это была работа над собой в том числе.

А.: Расскажите нам, в каких классах вы работали? Как вообще вас встретили дети? Они знали, что вы приехали только на два года?

Ф.: Да, с самого начала они знали, что мы приехали только на два года. Но мы всегда говорили, что мы можем остаться. У меня, к сожалению, остаться не получилось, потому что я встретил свою будущую супругу в «Учителе для России», и мы переехали в другой субъект федерации.

Я преподавал с пятого класса по седьмой. Дети встретили очень хорошо, им было интересно, кто такие приехали. «Почему вы приехали? Почему вы бросили эту большую жизнь и приехали к нам в дыру?» — дети задавали такие вопросы. Было очень много прикольных вещей. Они устраивали нам экскурсии. Мы очень много с ними гуляли и в целом очень много уделяли времени детям, и они увидели, мне кажется, людей, заинтересованных в их развитии, вообще в их жизни.

Я не жил в Ермолино, когда преподавал, потому что у меня есть такое внутреннее правило: я не живу в том месте, в котором работаю. Потому что там ты можешь сходить в магазин, и у тебя на следующий день спросят, понравились ли тебе макароны,

которые ты купил, потому что продавец — мама какого-то ребенка у тебя в школе. Но у нас были участники, которые жили прямо в Ермолино, и их квартира или их дом становился хабом для детей. Там люди вообще одни не жили, к ним всегда ходили дети, эти учителя всегда проводили с ними очень много времени: пили чай, делали уроки. Иногда мы просто тусили очень долго в этом месте и кормили детей, потому что не у всех был возможность поесть — родители уезжают... Ермолино — это такой город... Вот представляете, час до Москвы. Вы час едете на электричке, и вы в Москве на Киевском вокзале. И очень много родителей работали в Москве и Московской области, поэтому они уезжали в пять часов утра, приезжали в девять часов вечера. И вот их жизнь такая, колесо Сансары: работа, дом. А дом — в стиле поспать и спросить у ребенка, сделал ли он уроки. Поэтому мы стали альтернативой для общения, такими взрослыми, с которыми можно о чем-то поговорить.

А.: А был ли такой момент, что вы ловили себя на мысли: «Когда я сам учился в школе, мне какой-то определенный момент не нравился, поэтому я постараюсь это сейчас исправить, и я точно буду вести себя иначе». Было ли желание что-то принципиально поменять?

Ф.: Когда я учился в своей школе, я думал, что это средняя по уровню школа. Ведь даже прямо в названии написано «Среднее муниципальное бюджетное образовательное учреждение». Такая вот средняя школа. Но, поездив по России, посмотрев другие школы, я понял, что я учился в замечательной школе. У меня там действительно было много новаторств. Физико-математический профиль с первого класса. Не уверен, что это эффективно, но опыт у меня такой был. Я учился в школе, где был ландшафтный дизайн и дизайн интерьера как обычные школьные предметы. В целом я учился в хорошей школе. У меня был травмирующий опыт в начальной школе: не очень хорошо учитель с нами себя вел, поэтому я не могу все еще читать вслух. Но в общем-то в средней школе я был в очень комфортной среде, если говорить про учителей. Поэтому какого-то флешбэка о том, что «я хочу по-другому», у меня не было. Мне кажется, что «Учитель для России» как будто поменял мировоззрение. Его уже начали менять в университете: у меня был маленький курс «Методика преподавания истории» с Натальей Горбачевич. Она круто поменяла мышление о том, как надо вести урок. Плюс новые книги, новые виденья, с которыми меня познакомил «Учитель для России», и я уже начал думать не о том, что меня плохо учили, а о том, что вообще в целом в России не везде хорошо учат. Поэтому я больше соотносил не со своим опытом, а вообще в целом с ситуацией.

Оказывается, есть куча простых каких-то действий, которые можно совершать, и это полностью поменяет преподавание. Но почему-то это знание не доходит до обычного рядового учителя, который работает в школе, каким я был до прихода в «Учитель для России».

А.: Действительно, все познается в сравнении. Что бы вы могли рассказать об опыте, который вам дала школа в Ермолино? Наверное, есть что-то ценное, что вы, может быть, и сейчас используете. Да, я не уточнила, работаете ли вы сейчас в школе, преподаете ли вы?

Ф.: О, я ушел... Восемь лет преподавал, и сейчас первые полгода в моей жизни, когда я не преподаю в школе. Я сейчас являюсь разработчиком программы «Мастерство педагога» в «Учителе для России». Учю менторов, которые будут учить учителей, которые будут учить детей. Вот так у меня получилось.

Какой опыт мне дала школа в Ермолино? Мне кажется, лучшие уроки в моей жизни я придумал там. Потому что, во-первых, я был очень сильно заряжен. Меня очень сильно вдохновлял «Учитель для России», у меня была очень комфортная нагрузка в этой школе: всего восемнадцать часов. Это, знаете, прямо по канону: так должно быть у всех учителей в России, но у нас чаще всего от двадцати пяти. Наш президент сказал, что учителя должны много получать, а школа сказала: «А давайте-ка мы часть учителей сократим и больше дадим нагрузки учителям, и они будут нормально зарабатывать». У меня же была очень комфортная нагрузка. И мне кажется, что Ермолино, и вообще в целом Калужская область, это одно из тех мест, которое меня поменяло. Не конкретно Ермолино, там очень много городов, с которыми у меня была связана жизнь. Это и Обнинск, и Боровск, и Белоусово. В последнем мы с другими участниками «Учителя для России» сделали программу «Одинаково разные», которая помогала детям мигрантов учить русский язык и вообще социализироваться в школе, в российском сообществе. Сейчас эта программа выросла, и теперь там целых два региона. Более 3,5 тыс. детей учится сейчас по ней. Когда-то это началось с маленькой субботней школы на 8–15 человек. Мне кажется, часть людей, которые работали со мной в «Одинаково разные», все еще со мной: моя начальница нынче тоже, мы с ней там начинали, теперь вместе здесь делаем программу «Учитель для России». Ермолино дало мне людей. Я всегда был какой-то гуманистичный, но эти люди дали мне какую-то сверхчеловечность. Они дали мне вообще другие представления о мире, которые я никогда бы не получил в большом городе и в какой-то суперблагоприятной среде, потому что там мне было не очень комфортно, потому что там другая культура у людей. Там немножко по-другому. Что еще

мне Ермолино дало? Вообще веру, веру в идею. Я был там в прошлом марте, и меня так тепло встречали. Меня мама так дома не встречает, как там встретили. Тогда я понял, что мы сделали важное дело друг для друга. Когда я ушел, дети закончили седьмой класс. Сейчас они в одиннадцатом учатся, и мы все еще дружим. Они рассказывают, насколько они были инфантильные, и что они очень жалеют, что не вложились тогда в мои уроки; сейчас у них есть такая маленькая горечь. Некоторые дети извиняются за то, что вели себя не очень терпимо ко мне. И это интересно. Мне кажется, что у них добавилось осознанности после того, как мы с ними пообщались.

А.: В связи с этим как раз есть вопрос: а нет опасений, что, когда участники проекта уходят, в школе все возвращается на круги своя?

Ф.: Есть разные сценарии. Например, есть школы, как в Бутурлиновском районе Воронежской области. Они с нами с начала программы — шесть лет нам, и они шесть лет в программе. Ермолинской школы сначала не было, потом два года было сотрудничество, затем пришли новые учителя, но любовь не произошла между учителями и родителями, и они снова ушли. И вот в прошлом году вернулись в Ермолино «Учителя для России». Есть школы, с которыми мы отказываемся взаимодействовать: не все могут попасть в «Учитель для России». Есть также отбор школ, потому что людей, которые еще не имеют опыта в образовании, мы не можем отправлять туда, где не готовы к переменам. Поэтому у нас есть критерии отбора школ: там должны быть очень лояльны к нам, они должны хотеть что-то менять. Мы должны иметь возможность комфортно там проводить свои мероприятия. Ведь в разных школах по-разному происходит: где-то после уроков запрещают с детьми оставаться в школе, если у вас нет внеурочного мероприятия с календарно-тематическим планированием, с образовательными результатами и контрольной в конце.

А.: То есть, любой «учитель для России» должен работать не только непосредственно учить детей, но еще и работать с педагогами и как-то пытаться привнести свои идеи, свое мнение в этот новый для него коллектив?

Ф.: Если в целом говорить о большой миссии, то да. Если мы сейчас даже посмотрим на образовательную программу «Учитель для России», там есть четыре блока. Первый блок — о тебе, о твоих лидерских качествах, о том, как ты коммуницируешь, как ставишь цель. Второй блок о том, как ведешь уроки, как планируешь уроки, как вообще преподаешь. Третий блок посвящен коммуникации со взрослыми; и четвертый блок про то, как ты выстраиваешь культуру

школы вообще, как становишься этим двигателем, который меняет культуру внутри этого школьного сообщества. Вот у нас сейчас четыре блока, и понятно, что тот блок, который про преподавание, он самый большой. Он занимает примерно половину времени, потому что мы, в первую очередь, учителя, и готовим мы учителей. Но вот другие 50% времени мы уделяем, в том числе и тому, как работать внутри школы, внутри школьного сообщества.

А.: А школы сами подают заявки? Или проект ищет те учебные заведения, с которыми хотел бы поработать?

Ф.: Пересказываю то, что где-то когда-то слышал. По-разному: иногда мы ищем школы, иногда наоборот. Главное, чтобы получилась любовь. У нас все строится на каких-то взаимных симпатиях с участниками, с учителями, со школой, друг с другом. Главное, чтобы выстроились теплые отношения, контакты. Но, возможно, сейчас это уже не так, и я живу в своем идеальном мире. Потому что «Учитель для России» тоже меняется, но я верю, что в этом вопросе все по-прежнему.

А.: Звучит замечательно! А как проходит выбор будущих «учителей для России»? Из каких этапов состоит отбор?

Ф.: Есть пять этапов. Это все непросто. Сначала ты пишешь им анкету: там тебе задают вопросы, рассказываешь о себе. Еще есть мотивационное эссе. Также нужно описать несколько кейсов. Ты все это заполняешь и ждешь ответа. Потом у тебя собеседование с кем-то из команды, просто Skype-интервью. С тобой разговаривают и задают вопросы. Это второй этап. Третий этап — это очный тур, он был до пандемии. Сейчас пандемия², поэтому это онлайн-тур, когда все собираются в Zoom. Раньше все участники собирались в каком-то городе, в какой-то школе и вместе проводили день. Я не могу рассказывать точно, что происходит, потому что это тайна отбора. Но вот день проводят вместе: кандидат и учитель России. Если ты прошел очный тур, то переходишь на четвертый этап: ты созваниваешься с методистом по тому предмету, по которому ты будешь преподавать. Он тебя спрашивает о предмете. После четвертого этапа ты попадаешь в программу, становишься участником. Но есть еще такой пятый этап отбора — это летний институт. Это когда ты уже получаешь контент, обучаешься полтора месяца летом педагогическому мастерству, и тебя отпускают потом в школу. Если все хорошо, и ты понял, что у тебя любовь с «Учителем для России», и чувства взаимны, ты отправляешься в двухгодичное путешествие в оригинальную школу.

2. Этот разговор состоялся 29 января 2022 года.

А.: А вообще много людей «отсекается»? Бывает ли такое, что люди прошли этап, но в самом конце понимают, что нет, они не готовы на два года куда-то ехать.

Ф.: Всегда есть люди, которые выходят, потому что ты должен полностью менять свой привычный уклад. Есть те, кто говорят: «Я не готов» Есть те, у которых меняется что-то в жизни, и они не могут продолжить участие. В общем, есть люди, которые выходят. Я слышал, что они составляют где-то 6–8%. Но все от года зависит. Есть год, когда после летнего института никто не ушел. У второго набора никто не отчислился и никого не отчислили. Вот сколько приехало на летний институт, столько в школы и вышло.

А.: Если я правильно поняла, то сначала участники вместе проходят переподготовку, а потом разъезжаются в разные уголки России, где работают. При этом вы часто говорите «мы», то есть в Ермолино работало несколько учителей из проекта.

Ф.: Да, нас было пятеро. Но я, когда говорю «мы», это не только о коллегах в Ермолино, а «мы» — это как большой незримый «Учитель для России». Сейчас очень много выпускников. «Учитель для России» — это такая штука, которая создает — я не знаю как, я пока не разгадал — возможно, на каком-то энтузиазме, на той же самой любви и желании развития, создает новых учителей, и они становятся лидерами образования в России. Сейчас, наверное, процентов 20–30 выпускников работают в топовых образовательных организациях России, будь то частные школы, будь то образовательные проекты. Например, «Яндекс.Практикум», который будет скоро филиалом «Учителя для России», потому что там очень много людей, которые закончили нашу программу. То ли потому, что отбирают так хорошо людей, то ли мы тут что-то с ними делаем, но в общем выпускник «Учителя для России» — привлекательный кадр для российской системы образования в целом! А какой был вопрос? А, вы спросили, кто такие «мы». Это сообщество, хотя я не знаю по именам всех выпускников, даже из своего набора не всех вспомню. Но мы все равно знаем, что мы вместе.

А.: Есть ли какое-то комьюнити, где участники делятся своим опытом на протяжении двух лет работы? Продолжают ли участники общение после окончания проекта?

Ф.: В процессе обучения участники видятся каждый месяц либо внутри регионов, либо на общих больших встречах. Таких встреч в году три: летний институт, октябрьская и мартовская. То есть, за два года работы шесть раз собирается весь «Учитель для России» в одной точке. Там мы вместе проводим время: обучаемся, общаемся. Это то, в частности, что отличает «Учителя для России» от магистрату-

ры или курсов повышения квалификации. В отличие от магистратуры, у нас практики больше, чем теории — мы меньше учимся, больше практикуемся. Я не знаю, где еще есть столько практики. Наверное, это можно сравнить с интернатурой у медиков. А от обычных курсов повышения квалификации мы отличаемся тем, что у нас очень высокая степень поддержки. У нас у каждого участника есть несколько человек, с которыми он может общаться по разным вопросам: у него есть методист, ментор, куратор, координатор образовательной программы внутри региона, региональный директор. И вообще у него есть еще участники в его школе, в соседних школах. **Мне кажется, что главная сила «Учителя для России» — это поддержка, сообщество и практика.** Вот эти три слова — главная сила нашей программы.

А.: Раз мы перешли к отличиям проекта от других форматов, которые выполняют те же функции, мне бы хотелось спросить вот о чем. На сайте программы написано, что вы ждете не только людей других профессий, но и учителей со стажем. Но они уже сталкивались с реальными классами не раз. Чем им полезна переподготовка, которую предлагает программа?

Ф.: Хм... давайте дисклеймер: я, человек без педагогического образования, пошел в школу сам. Взял чемодан и пошел в школу. Вот я там два года попробовал сам, не понравилось. Пошел в «Учитель для России» — не понравилось и понравилось одновременно. Потом поработал в частном московском лицее — там очень понравилось. Для чего нужен стажисту проект? Я не хочу критиковать российские педагогические вузы, но опыт показывает, что там контент очень разного качества. Если мы посмотрим все пособия на русском языке для учителей, то нам будет очень сложно найти хорошие, которые можно взять и завтра применить на практике. Сейчас мне приходит в голову только Сметанникова, написавшая о стратегическом чтении. Это хорошая книга, которую можно взять, принести в школу и работать с ней. Больше похожего я не встречал в большом объеме. Мне кажется, мы даем новый заряд и новое знание, потому что нет такого дня, когда бы мы не работали над переводом книги с английского языка на русский последние полгода. Мы постоянно ищем какие-то новые хорошие практики. Учитель чаще всего не видит чужие уроки, и к нему приходят только в двух случаях: если завучу нужно за что-то отчитаться или у учителя открытый урок. По факту мало кто дает ему обратную связь. А вот «Учитель для России» предлагает не только фидбэк, но и поддержку, советует варианты развития событий в его уроке. Есть мнение наших московских методистов, что обычный учитель в школе проходит за пять лет тот же самый прогресс, что и участник проекта за два

года. Как раз потому что очень много поддержки, образовательного контента, обратной связи, и вообще сообщество сильно бустит. Представьте, что вы приехали в сообщество крутанов, где все крутые, и тебе тоже хочется быть таким, это и заставляет тебя двигаться в сторону лидерства, силы и т.д.

А.: Расскажите поподробнее о вашей работе в проекте сейчас.

Ф.: Сейчас появилось новое выражение «педагогический дизайнер», везде учат им быть. Я, можно сказать, педагогический дизайнер. Я пытаюсь сделать так, чтобы в нашей программе блок «Мастерство учителя» был максимально полезным. Не всегда получается, много всяких гипотез. Но хочется, чтобы программа была максимально полезной и реализуемой на практике, чтобы учитель всегда понимал, куда ему самому развиваться и куда вести детей, как развивать их комплексно. Я занимаюсь разработкой программы: на каждую сессию мы пишем небольшие пособия, я делаю это в том числе, а также обучаю людей, которые будут эту сессию вести.

А.: Какая основная задача проекта? О том, что он дает учителям, мы уже поговорили, а вот о том, чем он помогает детям — нет.

Ф.: Самое простое — он дает детям учителя по предмету, которого в школе просто вообще не было. Но глобальная идея — мы пытаемся решить проблему неравенства в образовании. Мне фантастически повезло родиться в городе-миллионнике, где у меня был доступ к шахматам, секциям, футбольным клубам, университетам, музеям, театрам. Мне повезло! Жителю села Екатеринино Тамбовской области не повезло, потому что у него этого ничего нет. Одна из наших идей — привезти туда новых людей, которых мы пытаемся делать компетентными, чтобы они могли дать детям другую картинку мира. Например, ситуация из Ермолино, от которого час езды до Москвы на электричке. Как вы думаете, я повез группу из десяти детей в столицу. Сколько из них хоть раз были в Москве? Не проездом, а чтобы в метро спуститься, в торговом центре побывать.

А.: Человека два-три?

Ф.: Один. Про театры я вообще молчу. В рамках проекта «Одинаково разные» мы проводили экскурсии по всей Калужской области, несколько раз были в Москве, например, в студии Диснея, где для детей проводили экскурсию, где вместе с ними развлекались. Вот это получают дети. Я не хочу говорить, что они получают что-то уникальное от «Учителя для России», потому что будет некорректно: мы будто говорим, что мы другие и лучше, чем учителя, которые работают в школе сейчас. И я никогда бы не хотел исполь-

зовать это сравнение, потому что мы должны относиться с уважением к тем людям, которые сейчас работают во всех школах России. «Учитель для России» дает новую картинку, новые возможности для детей. Вместе с проектом приезжает еще что-то новое в школу: летний лагерь, «живая» библиотека, куда приедут 15 разных людей, которые расскажут о том, каково это быть внутри своей профессии. Может приехать проект, решивший поменять рекреационную зону, для которой вы будете все вместе рисовать. Или проект привезет группу урбанистов. В общем, она [программа «Учитель для России» — прим. редактора] дает детям какие-то новые возможности, новых людей, у которых другое мировоззрение, которым они готовы поделиться. И, конечно, хотелось бы менять неравенство образования, но в результативности я не уверен, потому что у меня нет данных, которые подтверждали бы, что мы меняем людей. У нас не было полномасштабных исследований по этому вопросу — это очень сложно и дорого.

А.: Как вам представляется будущее программы? В каких направлениях она развивается или должна развиваться? Что с ней будет в ближайшее время?

Ф.: В целом хочется, чтобы такой программы не было в России, чтобы в учительство был конкурс, чтобы учителя поддерживали. Чтобы поддерживало государство, а именно, чтобы были созданы условия для развития учителя, было дано время для отдыха. Чтобы институты переводили эти книги с английского, вместо Феде в пыльном кабинете через машинный переводчик. Хочется, чтобы не мы этим занимались, а чтобы общество уже создало такие условия, когда люди сами хотят в школу, которая стала бы образовательным и культурным центром во всех населенных пунктах. Но пока этого нет, я считаю, что должен существовать «Учитель для России» хотя бы в некоторых регионах... Мой план: мы переучим всех учителей в России, а еще будем ходить и везде говорить: «Платите учителям больше денег и делайте меньше нагрузку». «Учителя для России» в каждый регион! Пока такой план. А когда мы все сделаем, нужно разгонять «Учителя для России».

А.: Звучит очень оптимистично! Но как будто бы цель находится где-то за горизонтом, к которому можно приближаться, но достигнуть его никогда не получится.

Ф.: (смеется). Конечно, у нас есть и маленькие планы. Могу ими поделиться. Мы хотим создать онлайн-курсы для тех учителей, которые не могут или не хотят переезжать в другой регион, мы же не во всех регионах представлены. Пособия хотим свои выпустить, точнее брошюры: пособия мы не можем выпускать, так у нас ни у кого нет кандидатской. Будем выходить в новые регионы.

Я мечтаю, что «Учитель для России» появится на Урале, потому что сам оттуда. Есть план больше взаимодействовать с региональными институтами развития образования, которые переобучают учителей. Вот такие маленькие планы. Большие — открыть площадки во всех российских регионах. Очень большие — сделать так, чтобы мы больше не были нужны.